

Карлос Фуэнтес

Мой друг Бунюэль

1924 год. 24-летний испанец с незаконченным образованием приезжает в Париж. Уже первые самостоятельные работы Луиса Бунюэля содержали в себе антиклерикальный, антибуржуазный заряд. Идейное зерно его фильмов — гневный протест против моральных и религиозных предрассудков буржуазного общества, осуждение социальной несправедливости, наконец, просто поразительный кинематографический талант — все это оставило за Бунюэлем звание одного из наиболее ярких мастеров современного кино.

Многолетняя дружба связывала Луиса Бунюэля с видным мексиканским писателем Карлосом Фуэнтесом.

Случилось так, что Бунюэль долгие годы прожил в Мексике. Но, будучи оторванным от своей родной Испании, он все-таки по духу оставался чисто испанским режиссером, единственным, по словам Карлоса Фуэнтеса, «великим режиссером своего народа и народов, объединенных испанским языком». Орывок из воспоминаний Фуэнтеса, опубликованный недавно испанским еженедельником «Камбио-16», мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

Год назад в возрасте восьмидесяти трех лет скончался мой друг Луис Бунюэль. Он был одной из самых крупных фигур в испанской культуре всех времен. Но прежде всего он был замечательным другом, чье отсутствие я с каждым днем ощущаю все острее и острее.

В Мехико я обычно навещал его в конце недели с пунктуальностью, какой он требовал от меня, уходя от него ровно в семь вечера. Бунюэль имел монашеские привычки. Спать он ложился

в девять вечера, а в шесть утра уже был на ногах. В своем доме в Мехико на улице Феликса Куэзаса он жил за высоким кирпичным забором. А принимал он в баре, украшенном не чем иным, как схемой парижского метро. Он обожал хинэбру (настойку из можжевельника), любил пропустить стаканчик кампари, с особым удовольствием смакуя при этом горьковатый привкус этого вина.

Его беседа опьяняла больше, чем его вяные коктейли.

В жизни Бунюэля со всей полнотой отразилась жизнь художника нашего времени. Он не очень увлекался абстракциями. Но его рассказы, начиненные превосходными историями и воспоминаниями, были неотделимы от философского тона, в котором под юмором скрывалось разочарование, а ярость таила в себе терпение. Я никогда не был свидетелем того, чтобы ему когда-либо изменяла трезвость его суждений. Раздраженный яли веселый, печальный или терпеливый, Бунюэль всегда был умницей. И вот смерть коснулась его своим дыханием.

В старости Бунюэль постоянно говорил нам: «Молодость ни утрачивается, ни сохраняется. Это то, что мы перестаем приобретать». Он никогда не разделял мысль поэта Роберта Браунинга: «Старься вместе со мной. Это лучшее, что еще остается в жизни».

Пламенная любовь к культуре прошлого и ее представителям, дорогие ему воспоминания (нужно было слышать, как Бунюэль рассказывал о Кеведе, Сервантесе, Гойе, парижских сюрреалистах, о детских годах, проведенных в Сарагосе, о родном городке Каланде, о своих друзьях) стали для него к концу жизни подлинной ценностью. Сколько он видел, прочел, сколько он пережил, как он любил, как наслаждался жизнью!

Его шутки стали притчей во языцех, пословицами. Лучшие из них он пересказал в своих мемуарах. Я же хочу вспомнить одну из его типичных «шуточек». В середине шестидесятых годов мы пошли вместе в кинотеатр «Интернасьональ», находяв-

шийся неподалеку от его дома, чтобы посмотреть фильм «Король королей» режиссера Николаса Рэя, где роль Иисуса Христа играл Джэффри Хантер, умерший довольно молодым после выхода картины на экран.

В одном из эпизодов фильма дьявол встречает Иисуса в пустыне и подвергает его искушению. Злой дух предлагает Христу сияющий, сверкающий среди песков позолоченными куполами город-мирак. Бунюэль невозмутимо наблюдал за сценой и вдруг неожиданно воскликнул: «Черт возьми! Лучше бы он предложил ему Диснейленд». Он сказал это громко, нарушая почтительную тишину, царившую в зале. Трудно было определить акустический эффект его возгласа. Кто-то швырнул в нас мугано (разновидность мексиканских сладостей, напоминающих по форме гранат из карамели, которые продаются в кинотеатрах). Под свист, издевательские реплики, крики, требующие соблюдения тишины, под градом богохульствующих ругательств мы выбежали из кинотеатра. Но Луис всегда относился к таким выходкам с хорошим чувством юмора.

Впрочем, ему было хорошо знакомо не только чувство юмора, но и чувство гнева. Как-то раз в конце шестидесятых годов, когда он снимал во Франции фильм «Млечный путь», в один из холодных январских дней мы с ним отправились обедать по направлению к Данфёр-Рошери. Выйдя из быстро, мы пошли по авеню. Вдруг от одного находящегося на реставрации здания отошел рыжий с румянцем во всю щеку

каменщик с сигаретой «Житан» в зубах и с банкой белой краски в руках. Банкой он слегка коснулся пальто Луиса, запачкав его.

— Смотри, куда идешь! — крикнул каменщик.

— Это вам нужно смотреть, — ответил ему Луис.

— А! — воскликнул француз, уловив испанский акцент Бунюэля: — Да ты, свинья, к тому же еще и иностранец!

Тут Бунюэль подскочил к каменщику, схватил его за подбородок и сказал ему: «Здесь я жил и работал. Здесь я женился, и здесь родился мой сын. Я такой же француз, как и вы, потому, что я дал Франции столько, сколько Франция дала мне. Ваша неприязнь к иностранцам отвратительна, а сами вы — мерзкий тип, настоящий сукин сын. Я хотел бы, чтобы вы ударили меня, а сам бы я вызвал вас на дуэль. Хотя вы этого не делаете, потому что вы — жалкий скупец и отлично знаете, что тот, кто бьет здесь первым, должен заплатить тысячу франков штрафа». Каменщик стал цвета вареной моркови, посмотрел, как бык, на Луиса и пошел своей дорожкой, что-то бормоча себе под нос. Бунюэль в это время философски заметил: «Секрет обращения с французским шовинизмом заключается в том, что жадность всегда оказывается сильнее ненависти к иностранцам».

В Париже он жил на бульваре Распай в скромном номере гостиницы, окна которого выходили на кладбище Монпарнас. В тяжелые для мексиканского кино времена Бунюэль научился снимать быстро и экономно. Закончив

съемку, он мог смонтировать фильм за три дня. Однажды после завершения съемок картины «Скромное обаяние буржуазии» я застал его укладывающим вещи в чемодан. «Хочу вернуться домой, — сказал он. — Я скучаю по Мехико. Но прежде всего я боюсь умереть один в гостинице со сценарием незавершенного фильма на ночном столике. Я хочу знать, чья будет та рука, которая закроет навечно мои глаза».

Я думаю, он знал, кто это будет. С некоей долей иронии, напоминающей иронию Переса Гальдоса и маркиза Сада, Луис провел свои последние дни, беседа с нашим другом падре Хулианом Пабло из ордена доминиканцев. Когда я встретил Хулиана на улице, он мог только вымолвить: «Я не знал еще человека, который умирал бы с такой силой духа, как Бунюэль». Я могу поверить в это. В фильме «Млечный путь» есть сцена, про которую Луис сказал мне, что она имеет автобиографический характер. Некий старик умирает на постоялом дворе на дороге, ведущей в Сантьяго. Лежа на топчане, он шепчет: «Моя ненависть к науке и технологии, возможно, приведет меня снова к абсурдной вере в бога». Я не думаю, что подобное должно было бы случиться с Бунюэлем. Отлично разбираясь в ересь и патристике (прим.: сочинения отцов церкви), Бунюэль продолжал бы жить до тех пор, пока бог, как о том моляли прародители, не простил бы Люцифера и не отправил бы его в рай. Его врач Теодоро

Сесарман сказал мне, что он умер не от чего-то, а угас просто и естественно, как свеча. Но Бунюэль был готов к этому. Он умер в июле 1983 года. Когда в феврале того же года я пришел попрощаться с ним на улицу Феликса Куэзаса и сказал, что навещу его в октябре, то Луис ответил мне: «Нет, это последний раз, когда мы видимся».

Он обнял меня. Я помню, что во время нашей последней с ним встречи я неотрывно глядел на него, в то время как он смотрел на меня, когда говорил со мной, а его жена Жанна и его сыновья Хуан Луис и Рафаэль смотрели только на Луиса. Это была одна из сцен Бунюэля, одна из тех изумительных многочисленных сцен из его фильмов, когда герои все время смотрят на нас с экрана, чтобы напомнить нам, что его рамки — только условность, и что настоящая реальность находится дальше, она иная, содержащая в себе другое и ничем не ограниченная. Мы не видим ее, потому что не хотим или не знаем, что можно увидеть ее.

Искусство Луиса Бунюэля научило нас видеть то, что мы утратили, забыли или обошли презрением. Этот другой мир заполнили отверженные, существа, скрытые из нашего поля зрения, обреченные на наше забвение, нашу слепоту и наше равнодушие.

Во время той последней с ним встречи я спросил его: — Что вы познали, Луис, прожив восемьдесят три года?

— Что я отдал бы жизнь за человека, который ищет истину. Но я убил бы того, кто поверил бы, что он обрел ее.

Перевела с испанского
Т. БУРЛАК.